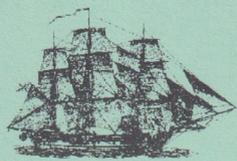

Австралия

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЖЕНСКИЙ

и СИДНЕЯ

АНСАМБЛЬ

О.Егорова

Л.Ивачева

Н.Кейли

В.Кучерова

О.Гурьева

Т.Дэвиссон

Л.Лысенко

А.Кириллова

Е.Краухина

Л.Куликова

Н.Солодчина

Г.Кириллова

О.Литкин

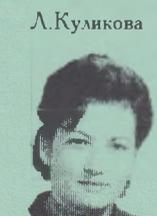
Е.Луговая

Т.Лукьянюк

Н.Маринкевич

Т.Мельникова

А.Шаповалова

И.Никulina

Л.Савва

А.Старновская

М.Нетребенко

В.Одарская

К.Родионова

В.Феофилова

Т.Черненко

Р.Ярошевич

X

ЛЕТ

“РУССКАЯ

2000

24

СИДНЕЙ

ПЕСНЯ”

ИЮЛЬ

Ольга Гости́на из рода Кочубеев, австралийский этнограф

Елена Говор

Ольга и Виктор Гостины, наши давние русско-австралийские друзья, заехали к нам в Канберру по дороге из Брисбена домой, в Аделаиду. На столе лежала целая гора любимых русских книжек моего детства — их подарок моему сыну, который тут же бесстрашно стал продираться через архаику «Генерала Топтыгина». И глядя на нас, наши гости были действительно счастливы тому, что эти книжечки наконец-то нашли хороший новый дом. Тридцать лет назад, впервые приехав на стажировку в Москву, они, молодожены, любовно собрали эту детскую библиотечку, мечтая когда-нибудь читать их со своими детьми и таким образом соединить нить своей связи с Россией, разорванную в далеком 1917 году... Мой муж, Владимир Кабо, этнограф, специализирующийся по аборигенам, подружился с Олей, австралийским этнографом, еще в тот их первый приезд в Россию в 1969 году, и вскоре после возвращения Оля попыталась пригласить его в Австралию; но могли ли ее трогательные письма разбить клеймо «невъездного», висевшее над Владимиром десятилетия! Ее редкие весточки приходили, казалось, из запредельного мира, напоминая магическую блоковскую «пылинку дальних стран». Особенно тронули нас фотографии церемонии возвращения Улuru аборигенам, сделанные самими аборигенами, Олиными студентами.

И вдруг пришло невероятное время, когда мечты начали сбываться. В 1984 году мы принимали у себя в Москве Олину семью, и они все, включая их прелестных детей с толстовскими именами Наташа и Андрей, говорили по-русски. И хоть этот язык так и не заменил им английский, все-таки это была победа Ольги и Виктора, осуществление их давней мечты. А еще несколько лет спустя сбылась и наша мечта—мы приехали в гостеприимный дом Гостиных, в дом, построенный в форме бумеранга, из окон которого видны далекие сиреневые хребты южноавстралийских гор. И еще запомнилось первое знакомство с Ольгиным детищем—университетским колледжем для аборигенов, где их, набранных на учебу со всех концов Австралии, готовили к поступлению в университет. Это был своеобразный рабфак по-австралийски, и я, как зачарованная, смотрела на студента с островов Торресова пролива—папуаса с пышной шевелюрой,—который послал нам белозубую улыбку из-под сурово сдвинутых бровей и продолжал ловко орудовать с компьютером. Моя блоковская «пылинка» обрела зримые формы...

И вот теперь Ольга у нас в гостях, все такая же молодая, энергичная, увлеченная своим исследованием новых форм духовности в австралийском обществе, и мы опять говорим по-русски. Пусть на взгляд строгого лингвиста ее русский язык может показаться не совсем правильным, для меня он милее любого совершенного языка, столько в него вложено сокровенной любви. И рассказ Ольги о ее жизни, который я записала для «Моей Австралии», сделан ею самой по-русски, я внесла в него лишь немного грамматики, сохранив все своеобразие ее живой речи.

Мы начали беседу с далекого прошлого, с Олиных предков, ведь среди них были князья Волконские, князья Васильчиковы, графы Капнисты, графы Мусины-Пушкины, князья Урусовы, графы Татищевы, графы Кушелевы-Безбородко, князья Львовы. Впрочем, сама Ольга из маминых рассказов помнила только Кочубеев, Долгоруких и Мусиных-Пушкиных...

Ольга Гости́на

Недавно, в Брисбене, у меня был такой случай. Мы с Виктором спустились к реке в Университете и случайно вышли к памятнику князя Владимира, который был поставлен там в память тысячелетия крещения Руси. Для нас это была удивительная встреча, ведь мамыны предки, Долгорукие, по прямой линии происходят от Юрия Долгорукого, который был правнуком князя Владимира, крестителя Руси. Мама сама урожденная Кочубей и это потомство идет от Чингисхана и оттуда, наверно, идет моя темная кожа.

Моя мама, Ольга Петровна Кочубей, рассказывала, что после революции Кочубей раздали свои имения, и ее отец, Петр Васильевич, пошел служить в Красный Крест. Но когда большевики пришли, они в ту же ночь убили отца. Мама мало об этом говорила. Мне кажется, но я боюсь ошибиться, что это было около Санкт-Петербурга. Моя бабушка, княгиня Любовь Мусина-Пушкина, была как-то связана с

царицей и они следовали за двором, то в Петербург, то в Москву, летом они обычно ехали в Киев и в Ярославль, где были их земли.

И вот в 1969 году у нас с Виктором был очень странный случай, когда мы с ним стажировались в Москве. Мы поехали в Киев, и в поезде с нами оказалась в купе женщина лет шестидесяти и еще один человек, пьяный. Виктор и этот пьяный легли на верхние полки спать, а я с женщиной сижу внизу, и она начала меня расспрашивать, откуда мы и так далее. А мы с Виктором ведь решили поехать в первый раз в Россию, чтобы узнать, откуда наши предки были. Моя мать была против, потому что она помнила, как ее отец был убит, и как после этого они бросили все и она, ее брат и мать оделись как крестьяне и пешком пошли на запад, в Европу и с огромными трудностями добрались до Бельгии... И конечно она боялась за нас и просила: «Будьте осторожны, не давайте знать откуда Вы, кто были Ваши предки, потому что вот что случилось с нами». И тут мы едем в поезде и женщина начинает расспрашивать, а я тогда гораздо хуже говорила по-русски. Ну, я сказала, что мама русская.—«Как ее звали?». Я думаю, ну, вот мы сидим в поезде, что может случиться, и я сказала: «Кочубей». Она так и подскочила: «Какие Кочубей?» Я говорю: «Я мало знаю об этом, мама вообще об этом не говорила».

Правда, я и древо-то наших предков попросила у мамы уже после возвращения из России. Дело в том, что как-то в Канберре, в Университетском доме, мы встретили Нину Михайловну Кристесен, и она у меня спрашивает, кто мои предки и все такое, а я ей говорю: «Кочубей и Мусины-Пушкины». А Нина Михайловна говорит: «Как вы можете с такими предками так плохо говорить по-русски! Что вы о них знаете?» Я говорю: «Да я ничего не знаю. Мама моя живет в Южной Африке». Нина Михайловна говорит: «Напишите, пожалуйста, маме в Африку и попросите Ваше древо». И тогда, наконец, мама мне его прислала. Но когда я была в России, я очень мало знала.

А женщина эта в поезде, как услышала Кочубей, так и села на своей полке. И тут наш пьяный сосед сверху начал на нас сваливаться, но Виктор его наверху держит, а мы сидим внизу и говорим о предках. Где-то в дневнике у меня записано ее имя. Она писала биографию жены Ленина. И вот она меня умоляет: «Вы не можете вспомнить, как называлось их имение?». Я говорю: «Нет, я не помню, потому что мама была очень закрытой, не говорила вообще о ее русском прошлом». И тут я вспомнила, что как-то я подслушала, что мама с кем-то говорила и сказала—Ярославль. И когда я сказала: «Ярославль», эта женщина расплакалась. Выходит, что родители ее мужа были крепостными крестьянами в Ярославле у графини Кочубей (вот я уже не помню, Кочубей или Безбородко!). Она была очень строгая, всегда верхом на лошади, и вот она обратила внимание на их сына, чем-то он ей понравился и она решила его воспитать. Он получил высшее образование, женился на этой женщине-писательнице, и умер он всего за три-четыре месяца до нашей встречи с ней в поезде. И вот она расплакалась, потому что, когда он умирал, он ей сказал: «Теперь я скоро буду знать, что случилось с моей графиней». Вот такое невероятное совпадение. Я ведь и слова-то этого «крепостной крестьянин» не знала и она мне сказала в поезде: «Пожалуйста, когда Вы маме напишете опять, скажите ей, что ее бывшие крепостные ей посылают уважение и любовь». Да, сначала она сказала «уважение», потом еще какие-то слова, очень приличные слова по-русски, которых я не знала, и потом «любовь».

Ну, я маме написала все это. В то время между Южной Африкой и Россией не было никаких связей, и я писала из Москвы в Мельбурн, родителям Виктора, которые знали, что если письмо написано по-французски, значит это моим родителям, и они пересылали его в Южную Африку. И мама тоже отвечала мне через Мельбурн, это был долгий путь. И вот я рассказала маме этот необыкновенный случай, о том как эта женщина мило и сердечно относилась к прабабушке. И уже незадолго до нашего отъезда, в конце 1969 года, от мамы пришло письмо. Такого письма она мне никогда ни прежде, ни потом не писала. Как будто открылась у нее душа. 8 или 9 страниц только о России и о Киеве: «Ребята, если вы будете в Киеве, пожалуйста, пойдите в такую-то церковь» (а мы как раз случайно там были, это где маму крестили), «когда вы будете на такой-то улице, пройдите налево, посмотрите наверху, мы там жили», это были все места, которые она помнила как семилетняя девочка. И это было первый раз, что она заговорила о своем детстве в России.

Из России мы вернулись в Австралию и через три года мы с Виктором и с детьми первый раз поехали в Африку. Папа мой уже умер, так и не увидев своих внуков. И когда мы приехали, я помню, как я гордилась, что я как-то более-менее освоила очень сложный русский язык. А надо сказать, что мы говорили дома в Африке по-французски, а русский у меня остановился, когда мне было 9 лет, причем по-русски я говорила только с няней, а у нас в семье было 9 человек детей, значит у няни не было много времени, чтобы беседовать, говорить о чем-то. И вот я очень гордилась, что мы начали все с Наташенькой по-русски, и что я первая из всех наших братьев и сестер, которая вышла за русского, что я привожу домой внуку (а у мамы было 35 внуков), первую, которая говорит по-русски. Я просто не могла дожидаться, чтобы мама опять услышала русский язык. И вот мы приезжаем, Наташа заговорила так, как мы говорим, с моим произношением. А мама на меня смотрит и говорит по-французски: «Если

такое произношение и такой язык, лучше пусть говорит по-английски или по-французски». Это было как холодный душ! Этим все и кончилось. Мама не могла выносить, что я говорила «библиотека», а в ее время говорили «библиотека», мы говорили «самолет», а мама—«азроплан», и все ей казалось, что я учу ребенка какому-то чужому языку, который лучше было не знать. Вся эта советская каша, ведь мой русский на самом деле был советский, там я и училась, кроме того мое произношение плохое, это был мой четвертый язык. Просто мама это не приняла. Мама была такая, тут уж ничего не поделаешь.

Вся семейная обстановка была такая, что мама не подчеркивала свое русское происхождение. У нее были причины. Из России она с братом Василием и моей бабушкой дошла до Австрии, там они работали на ферме и потом пешком добрались до Бельгии. Когда они попали с бабушкой в Бельгию, ей было 10 лет. В Бельгии бабушка Кочубей получила работу в больнице—мыть полы и убирать, и у нее была очень маленькая комната, там вмещалась одна кровать, а на ночь клали на пол еще маленький матрас для брата, он был на два года старше, а мама спала под кроватью бабушки, потому что места больше не было. Так они жили, а потом католические монахини взяли маму, как они брали многих русских, бесплатно в школу. Мама ходила в школу лет пять, а в 16 лет ей пришлось идти работать, чтобы посылать деньги брату, он учился в колледже на агронома. Мама всегда мечтала быть врачом, но из этого ничего не получилось, она начала работать как секретарша, и когда ей было 19 лет, она вышла замуж за отца. Его звали Вильям ван Рейсвейк, он был фламандец. Мама свободно говорила по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки, а общий язык у них был французский.

Мама видела, как в Бельгии, в Брюсселе, русские эмигранты из России все вдруг создавали себе знатное происхождение, как будто они были князья или графы, и немножко с презрением смотрели на бельгийцев. И мама, когда ей было еще 19 лет, решила, что если она выйдет замуж за бельгийца, она не будет делать то, что делают русские вокруг нее. Мама, хоть она и была более русской, чем многие из них, решила разделить судьбу мужа. Она не хотела жить в этом маленьком искусственном мирке, который сохранял старую Россию с царями и жил всем этим прошлым. Когда в 1963 году я ехала в Австралию, папа и мама мне сказали, что мне необходимо поехать через Бельгию и увидеть, где я родилась, и познакомиться там с родными. Я так и сделала, поехала в Бельгию и там увидела бабушкину сестру, тетю Иру, как мы ее называли. И тетя Ира жила именно в такой обстановке—темная маленькая квартирка, иконы, портреты царя и царицы, и кружевные салфеточки везде—все такое старинное, и жизнь ее была обращена в себя, в прошлое.

Папа наш был очень сильный человек, юрист и философ, и он был на 9 лет старше мамы. Свадьба должна была быть в католической церкви. Перед свадьбой папе пришлось подписать бумаги, где он обещал, что дети будут католиками, но ему подсунули еще бумагу о том, что он постарается и маму обратить в католичество. А папа невероятный человек. Он воскликнул: «Моя жена глубоко верит в свое православие, и вы просите меня это сделать!», и взял и порвал и одну бумагу, и вторую. Свадьба состоялась в православной церкви и мы, все дети, остались православными.

Из русского стиля жизни у нас были молитвы, мы праздновали по-русски Рождество и Пасху, хотя Рождество всегда праздновали по западному стилю, а не 7 января. Пасха была наша, с постом. Впрочем, мои старшие братья и сестры помнят, что по распоряжению отца в нашем доме был один день в неделю, когда мы говорили только по-русски, но это было еще в Бельгии, до переезда в Африку. В Южную Африку мы переехали в 1949 году, когда нас уже было 9 детей. Там был только один православный священник между Кейптауном в Южной Африке и Каиром в Египте. И поскольку у нас была самая большая семья, этот священник останавливался у нас и проводил службу в нашем доме, а другие русские приходили к нам.

И еще у нас была русская няня. Она «прибилась» к нашей семье в Бельгии и переехала с нами в Южную Африку. Мы говорили с ней по-русски, но она умерла через год после переезда в Африку, когда мне было 9 лет. Русского священника тогда не было, а католики не хотели хоронить няню, потому что она была православной, и только англиканский священник согласился придти. Кстати, когда мы с Виктором ездили в Африку в 1989 году, мы нашли нянину могилу, потому что я помню, как мы ее хоронили, и она хотела лежать под африканским деревом—мимозой. Мы заказали новое надгробие, но няниного имени я не знала, она для меня была «Няня». И мы на памятнике написали русскими буквами «Няня», а дальше по-английски—«родилась в России в конце 19 века, вошла в семью в Бельгии, эмигрировала в Южную Африку, осталась с семьей и умерла в 1950 году». И только недавно, после последней поездки в Африку, я выяснила ее имя. Ее звали Анна Миронова и родилась она в 1876 году.

И вот, как мы не знали ничего о нянином прошлом, так мы не знали и о своем русском прошлом, о России. У мамы было сильное чувство, что надо идти в новый мир, и если я что-то знаю, то это было только потому, что я решила стать этнографом, и первая работа, которую надо было написать, была о семейной этнографии. Я сначала расспросила папу о том, как жили фламандцы. Он много

